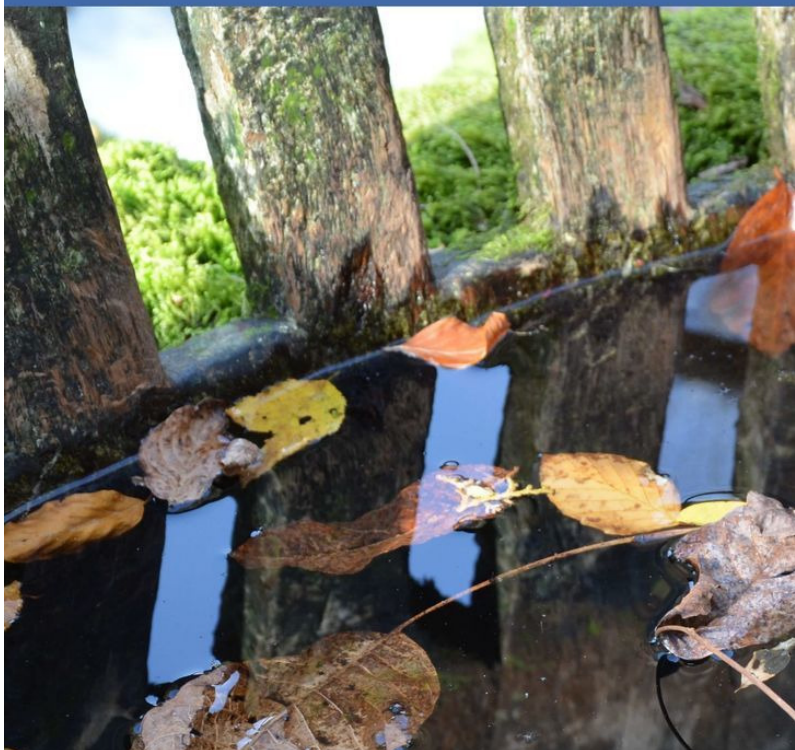

18+

Наталья Тимофеева

Знамена тишины

Стихи, романсы, пародии

Наталья Тимофеева

Знамения тишины.

Стихи, романсы, пародии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64333136

ISBN 9785005339171

Аннотация

Книга написалась быстро, всего за полгода. Когда рука набита, а сказать есть что, это дело не слишком хитрое. Тем более, что есть масса свободного времени. Вокруг меня живая природа, которая даёт возможность соприкоснуться с прекрасным ежеминутно. Единственное, что не даёт покоя, это бедственное положение моей родины. Впрочем, обо всём этом я и пишу в своих стихах. Издалека видно гораздо больше, чем изнутри, это как смотреть на клетку с птицей. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

«Знамена тишины»	6
Предвестники тишины	6
«Пасмы дыма мотает ветер...»	9
Забывтое стихотворение	10
«Луны волшебная лампада...»	11
«Орган ветров, – небесное звучанье...»	12
Любителям берёзок и осинок	14
«Истерзана память, измучена жадой любви...»	16
«Проснулась бабочка, уснувшая в полене...»	17
«Серый день, унылый и сонливый, ...»	18
«Закат стекал по небу, словно кровь...»	19
Зимняя гроза	20
«Как Третьего Рима завидна счастливая блажь...»	21
«Упоённо и благоговейно...»	22
«Не я предала тебя, Родина...»	23
Господин Великий Новгород	24
В некотором царстве	25
Млечный путь	28
Клеймение	29
О сакральности	30
«Идущие на смерть, приветствуют тебя...»	32

«Снежной мглой укрылись дали...»	33
«Меж тучек леденцово...»	35
«Сумрак. Вечер. Акапельно...»	36
Встреча	37
«Чего бояться тем, кто за стеной...»	39
«Что мы сменяем на комфорт?...»	41
«В ореоле лунном сизой дымкой...»	43
«Вода обернулась кровью...»	44
У памятника Пушкину	45
«На Руси великой был когда-то...»	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Знамена тишины

Стихи, романсы, пародии

Наталья Тимофеева

© Наталья Тимофеева, 2021

ISBN 978-5-0053-3917-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Знамения тишины»

Надеюсь, что эта книга стихов – последняя, из написанных мною. Никогда не любила повторов, но это неизбежно, когда время идёт, а ничто не меняется: театр абсурда на земле продолжается, уничтожение природы – тоже. Да, один день не похож на другой, и всё же, и всё же... Если честно, от стихов, даже собственных, устаёшь. Они не дают спать ночью, они не дают расслабиться днём, – это воистину заболевание. Хорошо, если оно не бросается в глаза окружающим своей несуразностью, но, как правило, это именно так. Поэтому я пишу пародии на «произведения», мимо которых трудно пройти, настолько они вызывающе пошлы и нелепы. Для меня лично подобные вирши являются буквально осквернением родного языка. Место им на стенах туалетов, а не на литсайтах.

Что до моих собственных стихов, то я очень надеюсь, что они послужат сохранению русской речи. Всё идёт к тому, что её забывают с каким-то особенным удовольствием именно те, кто имеют наглость называть себя поэтами..

Предвестники тишины

Предвестники блаженной тишины —
Последние лучи дневного света.
Уже ни песни птичьи не слышны,
Ни воздуха покровом не согрета

Забвения густая пелена.
Звезда взошла, мерцающая первозданно,
И вот она на небе не одна,
И сердце бьётся гулко и пространно.

Как сумерек покоен праздный миг!
Держа в руке сосуд с вином, хрустален,
Я тишину лелею, как родник,
Что льётся с гор, прозрачно-беспечален.

Всё кончено: и жизни маета,
И прошлые напрасные старанья,
И слов, и чувств бесцельных пустота,
И глупые чужие обещанья.

Свобода, что дарована с небес,
Достигнута и разумом, и духом,
И посторонний человеческий лес
Душой не принимается и слухом.

Глоток вина проник в мою гортань,
А сумерки окрасились медово...
Остались лишь – рубиновая склянь,
Простор небес и я, да Божье Слово.

«Пасмы дыма мотает ветер...»

Пасмы дыма мотает ветер,
Как прореженный козий пух.
Роз намокшие виснут плети,
Ночь в тиши испускает дух.

Брезжит свет над речной долиной,
Просыпается небосвод
И сереющей плоской льдиной
Над остывшей землёй плывёт.

Вдоль дороги лежит клоками
Ноздреватый вчерашний снег,
Листьев жёлтые оригами
На айве завершают век,

Но, согласно качаясь ветру,
Не теряют с ветвями уз
И шуршат, подчиняясь тембру
Утра, свой озвучая блюз.

Забытое стихотворение

Осень заплатила чистоганом —
Золотыми копиями листвы
И стоит, качаясь, будто спьяну,
Сбросив плат цветастый с головы.

Над остывшей пажитью долины
Ветер беспокойный катит вал
И толкает гор кривые спины,
Словно бьёт в невидимый кимвал.

Даль вокруг, застыв в оцепененье,
Лиловее абрисом небес,
И зимы приблизились знаменья,
И снежинок вьётся экосез.

Память о тепле лежит под спудом,
Под землёю сцепленных, корней,
И река текучим изумрудом
Меж остывших движется камней.

Валуны задумчиво белеют
На её изменчивом пути,
А вверху над нею птицы реют,
Словно дни и годы во плоти.

«Луны волшебная лампада...»

Луны волшебная лампада
Отлита мглой из серебра,
И гор высокая ограда,
Священна и, как мир, стара,
Стоит под звёздным хороводом
Вокруг деревни. Крики сов
Выводят жалобные коды
Из барбарисовых кустов.
Аккорды ночи потаённые,
В них редкий разгадаешь звук.
Плывут с реки обрывков сонмы
Тумана, словно мёртвых рук
Движенья, – тайные намёки
На волхование земли,
Хранящей в толще все пороки,
Что из неё произошли.

«Орган ветров, – небесное звучанье...»

Орган ветров, – небесное звучанье
Холодного дыхания зимы
Разрушило недужное молчанье,
Спустившись на окрестные холмы.

Река, неслышно пробираясь к югу,
Петляет меж остуженных полей,
И облака бегут, бегут по кругу,
Попутно видя отраженье в ней.

Как скуп январь на таинство движений!
Лишь ветры живы вещи в выси,
Они поют, не ведая сомнений,
Что голос их округу воскресит.

Но долг путь к весеннему распутию
Через пороги сумрачных часов...
Ещё река застынет сизой ртутью,
И снег накроет царство белых сов.

Как больно сердцу бедному, как больно,
Когда ветров волнения слышны!
Оно стучит им в унисон невольно

И ждѣт-пождѣт знаменій тишины.

Любителям берёзок и осинок

Господь направил, не куда придётся,
А где найдём приют и ласку мы:
Где много неба, очень много солнца,
И мало, надоевшей нам, зимы.

Дорога здесь ухабистой не стала,
Её шероховатости не в счёт.
Звездю Вифлеемской засияла
Судьба, и стала смыслом в тот же год

Живая суть природного явления —
Трава в саду, ветра, вода в реке,
Дожди и грозы, птичьи песнопенья,
А севера – лишь отзвук вдалеке.

Простая жизнь возможна ли в неволе,
Где грохотом столичным полон ум?
Мне говорят: «Забыла чисто поле,
Берёзок говорливых нежный шум?!»

Да, полноте, берёзки на чужбине
Точь в точь, как и в России, так нежны!
Вот только на свободе мы отныне
И больше дурням не подчинены.

Нас не принудят рассуждать, «как надо»,
Чтоб в мясорубку власти не попасть,
Нам не накапят в чай «по дружбе» яда
И не присвоят нашей жизни часть.

Прощай, Россия, даже ты не вечна,
А мы – подавно. Дай же нам вздохнуть.
Жизнь без того, как юность, быстротечна,
Чтоб мы с тобой наследовали путь.

Ты запускаешь молох свой кровавый,
Как жёрновом, разумное меля,
Твоей ничто не поколеблет «славы»,
А «силищи» враги не умолят.

«Истерзана память, измучена жаждой любви...»

Истерзана память, измучена жаждой любви,
Но только во сне достигает любовь абсолюта.
Из сети мечты извлекая восторги свои,
Она наяву так болезненна, чванна и люта!

Любовь – это жертва кровавой безумной вражды,
И козни её не для всех по уму и по силам.
Не стоит звать о пощаде к любви без нужды,
Коль слаб ты, всегда будешь ей лишь придатком
постылым.

Любовь без взаимности – страшное душное зло,
Не подвиг она, но страданье и даже проклятье,
Когда для двоих океана пространство мало,
И смерть для кого-то подспудно – желанная сватья.

От хвори такой не придумал лекарства никто,
Разит наповал без ножа, болью сердце калеча...
Но, если её совместить со Христовым крестом,
То будет взаимность и вечность обнимет за плечи.

«Проснулась бабочка, уснувшая в полене...»

Проснулась бабочка, уснувшая в полене,
Большая, белая, порхает и стучит
О балки потолка. Огонь в печной геенне
Полено громко ест и, походя, трещит.

Что бабочке лихой, оттаявшей, за дело
До ночи, до зимы, до спящих в темноте..
Когда б она могла, по-птичьи бы запела,
Но нет, не запоёт, и некуда лететь.

Пространство велико, но замкнуто строенье
Балясинами стен и массой потолка.
И все мы вместе здесь по недоразумению,
И ночи колыбель качается, крепка...

«Серый день, унылый и сонливый, ...»

Серый день, унылый и сонливый, —
Скуп на ласку снежную январь.
Лишь дождя недужного приливы,
Да из труб сквозит печная гарь.

Дышит лень зимы из каждой поры,
Ничего неделанье томит.
С небом обнялись за домом горы,
И село в туманной дымке спит.

Кажется, что время тянет ноту,
Медленно кружа веретено
И мотая сонную дремоту,
Застя пустотой моё окно.

«Закат стекал по небу, словно кровь...»

Закат стекал по небу, словно кровь
Неведомого раненого зверя.
Край горизонта, пасмурно-лилов,
Чернел с востока от кровопотери.

Из гущи мрака выплыла луна,
Разъяв по сторонам недвижимым оком
Границы тьмы, величия полна,
Кропя долину вязким лунным соком,

Струящимся, как белое стекло,
На пурпур остывающий заката
И в вечности застрявшее село,
Наполненное смыслами когда-то.

Но вышел срок земной и тьмы ночной,
И человечьей вольницы бездумной,
И целый мир скорлупкою пустой
Пустился вплавь по мертвенности лунной.

Зимняя гроза

Наотмашь бьёт гроза долину мрака,
Мгновенье – и расколется земля.
Завыла вдруг соседская собака,
И страха тень скользнула, как змея.

Вот-вот ужалит в сердце всей вселенной
Неведомое. Святочная ночь
Стоит над миром в митре драгоценной
И звёзды собирается толочь

В горниле мглы на мелкие осколки.
От волхованья молний нет тепла.
Они втыкают синие иголки
В воздушный пласт из чёрного стекла.

Уснуть бы мне, забывшись от потока
Нечаянных, надуманных проблем...
Но где-то над селением, жестоко
Звучит небесный голос, слышный всем.

Он канонадой разрывает шири,
И грозен, словно сказочный дракон,
И ноты грома падают, как гири,
И разгоняют мой непрочный сон.

«Как Третьего Рима завидна счастливая блажь...»

Как Третьего Рима завидна счастливая блажь:
Дворцы, самолёты, молчащие в стойле рабы,
И сам анпиратор-скрепыш удивительный наш
Скопил вместе с присными на... золотые гробы.
Четвёртому Риму ни эдак, ни так не бывать,
Об этом твердят даже геи на каждом углу,
Об этом на родине знает последняя б*ядь
И цезарю из-под забрала возносит хвалу.
Гримасам судьбы в Третьем Риме сродни паралич,
Давно перекошено всё – и кварталы, и рты.
И вновь новогодний услышат все римляне спич,
И будут горды, хоть тарелки их будут пусты.

«Упоённо и благоговейно...»

Упоённо и благоговейно
Снег с утра штрихует голый сад.
В каменной трубе, шепча келейно,
Дух огня и ветер ввысь струят

Ароматы горечи каминной.
В сонном царстве святочного дня
Путается свет в тиши гардинной,
На камнях бликуя, вокруг меня.

Волнами плывут воспоминанья,
Размывая грани бытия
Между сном и явью, и сознание
Ненароком упреждаю я,

Чай с жасмином пригубив горячий...
И благословенный мой закут
Укрывает снег, как пух гагачий,
Воспевая нежность и уют.

«Не я предала тебя, Родина...»

Не я предала тебя, Родина,
Ты меня предала.
Сколько мной горя пройдено,
Тобой – посеяно зла!

Ты всем обещала, – наверное
Стать опорой навек,
Была же советчицей скверною,
В гениях видя калек.

Ты ими мостила прихожие
Татей, ворья, чинуш,
Опричных с погаными рожами,
С полным отсутствием душ.

Так в чём твоя щедрость, Родина,
С кем ты была щедра,
Убийственная тягомотина,
Бездоннейшая дыра?

Ты беспрестанно бахвалишься,
Что с несогласных с тобой,
Как струп омертвевший, не свалишься,
Но отведёшь на убой.

Господин Великий Новгород

Господин Великий Новгород,
Где твой голос вечевой?
Ты дождался жизни впроголодь
Вместе с проклятой страной.
Даже эха не услышится
От набата твоего, —
Ветром вервие колыхается,
Медь зарыта глубоко.
Нет ни времени, ни памяти,
Всё смешалось в смертный ком.
Здесь детей не учат грамоте,
Вся страна идёт на слом.
Хаос вновь грозит пролитием
Крови, лимфы и вина
Под скандалы с мордобитием
Молодцов, достигших дна.
Эх, Америка с Европою,
Не понять и не догнать
Вам нас. Мы судьбой особою
Будем в вечности сиять:
Ни законов нам не надобно,
Ни лесов, полей и рек...
Лишь подай нам узурпатора
С волчьим взором из-под век.

В некотором царстве

В царстве грёз и круглых ягодиц,
Где шампань-коблер вливают в глотки
Сонмища отпетые девиц
И мужчины, смелые от водки,

Где кривлянье, танцы, похвальба,
Деньги, секс и громкие скандалы,
Там идёт столичная гульба,
И полны картёжников подвалы.

Наркотой бомонд не удивишь.
Что ещё предложат здесь от скуки,
Если каждый папенькин малыш
Не такие почитает трюки,

Отучившись в Лондоне? Пешком
Он с рожденья своего не ходит.
Золотым он хвалится горшком
И одеждой по последней моде,

Ведь науки бездарю не впрок,
На бугатти он гоняет в полночь
По московским улицам,
Но срок даже за убийство эта сволочь

Не получит. Прожигая жизнь,
Затвердил богатенький бедняжка,
Что народ в России – это слизь,
Человек здесь – лишь его папашка.

На крови построить можно храм,
На обломках совести – помойку.
Было на Руси немало драм,
Но такой открытой наглой дойки

Мир ещё не видел никогда.
В гробище страны вбивая гвозди,
Говорить, мол, это не беда,
Никакие не решались гости

Из варягов пришлых. Но теперь
Вольница шакаля не стыдится,
И не знал ещё таких потерь
Люд, в бедой очерченных, границах.

То ли он привычен стал страдать,
То ли он давно ума лишился,
То ли повернуло время вспять,
То ль герой такой не родился,

Чтоб поднять на вилы эту гниль,
Что глумится на просторах синих,
И подонков властных сдать в утиль,
Чтоб спасти от гибели Россию...

Просыпайся, бедоносец, ты
Вдоволь нагяделся в телевизор!
Ядерные ждут тебя «хвосты»,
Да из ада постучали снизу.

Дети беспардонного ворья
На твоих костях справляют тризну
И, твоим беспамятством соря,
Прожирают бывшую отчизну.

Млечный путь

Смотрит скорбно и незряче
Из пучины мировой
Ночь, и звёзды, будто плача,
Ворожат моей судьбой.

Сколько было недомолвок
В предсказаниях благих...
Падал на землю осколок
Щедрой скарденности их.

И сама я словно слепну,
Осязая Млечный путь,
Вспоминая жизнь, нелепо
В ней мечтаю отдохнуть.

Наконец, сбылись знаменья,
Сердцу больно и легко.
Разомкнув с прошедшим звенья,
Мёд мешаю в молоко.

Клеймение

Прими прививку, словно зверя метку,
Оставив все сомненья на потом.
Уже готовит и шлею, и клетку
Антихрист с указующим перстом.

Никто тебя пока не понуждает,
Ты, добровольный раб, и слеп, и глуп.
Ты, кажется, земного хочешь рая,
Боясь за свой непревзойдённый пуп?

Ты выбрал хлеб, а крест с себя отринул,
И вместе с волей выплеснул Христа.
Не умер ты, а просто кони двинул,
Не хлеба съел, а получил хлыста.

Всем миром стадо пропоёт кончину
Не только века, но своих детей,
Дополнив смертью вечных душ картину
Клеймения без казней и плетей.

О сакральности

Сакральность придавая людоедству,
Банкует вождь из бункера – в экран.
Находчив чрезвычайно с малолетства.
Он до сих пор – с рогаткою пацан.

Мультяшные показывал ракеты
Недаром он и пафосно грозил
Их жалами вспахать к чертям планету,
И миллиарды выкопать могил.

Фигурой не велик, да грозен ликом,
Вождь покорил словесно белый свет.
Все страны заболели нервным тиком, —
Таких вождей у них в помине нет.

А наш, хоть мал, как идеал злодейства, —
На пальцах все расклады разъяснил.
Приёмы лжи, а также, лицедейства
Он применил для европейских рыл.

Свои поймут и так, что на галерах
Сегодня машет вёслами не Ной.
А вождь уже который год на нервах,
Что нет ни для кого судьбы иной,

Как уничтожить все поползновенья
Головок сыра, фруктов и сладостей,
Чтобы посмертно заслужить прощенье
Великой славной родины своей.

«Идущие на смерть, приветствуют тебя...»

Идущие на смерть, приветствуют тебя,
Кремлёвский Цезарь, и без укоризны
Мы жертвуем собой, сжигая и себя,
И всю страну во имя лучшей жизни!

Мы брали жизнь в кредит, с процентом не чинясь,
Мы ели, что дают и, как придётся,
Мы лили на врагов твоих, о, Цезарь, грязь
И славили тебя, как славят солнце.

Нам нынче встать с колен – два пальца об асфальт,
Тем добровольней, в нечистотах лёжа,
Мы не считаем жизнь одной из тех затрат,
Что растревожить нам сознание сможет.

Никто нам не указ, мы знаем, что к чему.
И Роспотребпозор согласен с нами...
О, Цезарь, мы твою приветствуем тюрьму,
Мы ждём, когда палач придёт за нами!

«Снежной мглой укрылись дали...»

Снежной мглой укрылись дали,
Перевалы замело,
Виды сельские пропали,
Воздух ломкий, как стекло.

Над рекой висит завеса,
Голос вод бессильно-глух,
И, тушуя кромку леса,
Снег летит, как лёгкий пух.

Скачут, ворох белый руша,
Белки резво по ветвям,
Цыганята волокушу
Тянут в горку... По краям

Колеи дорожной густо
Ветер хвои набросал,
И фазаньи тонут плюсны,
Попадая в снежный вал.

Пахнет свежестью и хлебом,
Словно в вате, гаснет звук.
Под седым и скудным небом
Взор тоскливо-близорук...

Я бреду, в бреду досужем
Постигая этот хлад,
Что сжимает туже, туже
Сердце, мысли, землю, сад...

«Меж тучек леденцово...»

Меж тучек леденцово
Проглянул сердолик,
Сиянием окован,
Горяч и солнцелик.

Снег утекает с крыши,
Бежит с неё ручьём,
Январь, по зову свыше,
Расщедрился дождём.

Доклёвывают птицы
На лозах виноград,
На травяные ситцы
Роняя зёрен град.

Вчера ещё заснежен
Был тусклый окоём,
А нынче воздух нежен,
И всё живое в нём.

«Сумрак. Вечер. Акапельно...»

Сумрак. Вечер. Акапельно
С крыши звякает капель.
Дятел прыгает бездельно,
Крошит снег на аппарель.

Поклевал немного грозди,
Сверху кошек подразнил,
Азбуку озвучил Морзе,
Тишину преобразив

Птичьим рэпом, и умчался...
Кособокая луна,
Покачнувшись, в звёздном вальсе,
Томной бледности полна,

Показалась над горою,
И включились фонари.
Ночь, подвластная разбою,
Лисьей призрачной тропею
Будет красться до зари.

Встреча

Аэропорт, собаки, маски,
Бронежилеты и дубинки...
Жизнь в этой повести, как в сказке, —
Без смены темы и картинки.

Толпа, по-детски сиротливо,
Аборигенов на морозце
Как бы в отчаянье, пугливо
Друг к другу вдоль дороги жмётся.

Опустошённость, безнадёга
И обезглавленность в народе,
Ведь храбрецов совсем немного
Во всей совдеповской породе.

Спектакль опять удался власти,
Хоть сценарист и маразматик.
Исчез, едва промолвив «здрaсте»,
Герой – отчаянный романтик.

Весь мир людской, с галёрки глядя,
Исподтишка плюёт на плечи
В партере, и, покоя ради,
Лишь этим будет вновь утешен.

Аплодисментов здесь не будет,
А будут слёзы и стенанья.
Героя родина забудет,
Отдав мерзавцам на закланье.

«Чего бояться тем, кто за стеной...»

Чего бояться тем, кто за стеной
Сидит и смотрит с прищуром в бойницы?
Сон обуял народишко чумной,
Попрятавший свои со страху лица.

Не вертикаль у власти, – просто шест,
Вокруг шеста – бордель. Министры, девки,
Военачальники за близость мест
К шесту грызутся, кто-то на подпевки

Согласен, лишь бы получить презент —
Медальку или грамотку за бля*ство
И, чтоб вручил медальку президент,
Наследник красnozвёздного хозяйства,

Что растащила по миру братва.
Рассадник зла, разбойное гнездовье,
Страна советов, ты едва жива,
Но спит твоё худое поголовье.

Разбудит ли его труба небес,
Падут ли стены властного борделя?
В мертвецкой глупо ожидать чудес,
Видать, Россию ангелы отпели.

Никто не хочет протереть глаза,
Увидеть, как близка его кончина.
Слетели у бандитов тормоза,
А плебсу в помощь – маска, да вакцина.

И даже смерть здесь слишком дорога, —
Дороже сонной бестолочи жизни.
Но к равнодушным жизнь всегда строга,
Что смерть несут потомкам и отчизне.

«Что мы сменяем на комфорт?..»

Что мы сменяем на комфорт?
Молчаньем залатаем дыры,
Что в наших душах выел чёрт?
Попросим хлеба у кумира,
Убившего вчера родных?
Упав от горя на колени,
Получим от него под дых,
Иль пару бранных слов на фене?
Оплёванно уйдём в затвор,
Послушно нацепив ошейник,
И будем ждать, что главный вор,
Отсыплет хоть немного денег?
Комфорт есть тоже не у всех,
У большинства – сортир с сердечком
И домик, что и крив, и ветх,
И нету дров – засунуть в печку.
Жизнь есть в столичных городах,
Но и она не по карману
Тому, кто на своих хлебах
И не способен ни к обману,
Ни к воровству, помойный бак
Ему тогда на старость в помощь.
И умереть бы, да никак.
Тут поневоле Бога вспомнишь...
Но предан Бог в который раз

Молчаньем рабским. Кто виновен
В том, что мерзавцы грабят нас?
Хотя б один сегодня воин
Найдётся – победить позор
Страны, отдавшей бандитам?
Но, по углам попрятав сор,
Гордимся тошнотворным бытом.

«В ореоле лунном сизой дымкой...»

В ореоле лунном сизой дымкой,
Серебристым шёлковым муаром,
Органзой волшебной с переливом
Облако небесное плывёт.

Звёзды утонули безвозвратно
В сокровенном омуте лиловом
И своим затерянным мерцанием
Полночи надежду подают:

Скоро-скоро мир безвестно канет
В чёрную погибель мироздания,
Маятник вселенной тихо встанет
И сомкнёт пучину над землёй...

Но качнулся маятник и снова
Потекли блаженные минуты,
Ветер разметал муар по небу,
Вышел месяц, звёздный пастушок.

Разлилось сиянье неземное
Над крещенской вызвездив купелью
Бархатное небо, словно полог,
Бога самого епитрахиль.

«Вода обернулась кровью...»

Вода обернулась кровью,
И воздух стал горше хины.
Покончено здесь с любовью
И верой в Отца и Сына.
Здесь жаждут прихода зверя,
Стабильности и порядка,
И сами себе не верят,
Но преданы без остатка
Своим эфемерным благам,
Стяжательству и «прогрессу»,
Живя под разбойным флагом,
Плешивого славя беса.
А час с каждым мигом строже,
А день с каждым днём короче.
И тут уж никто не сможет
Расплаты Творца отсрочить.
Грядущее, словно камень,
Сорвётся с небесной кручи,
Египетской казни пламень
Всё воплями враз озвучит.
Где вместо любви – нажива,
Спасение невозможно,
Ведь все обещанья лживы
Того, кто лишь врёт безбожно.

У памятника Пушкину

Средневековый город, дым костров,
Противочумных клювов колыханье,
Испуганные взоры докторов,
И стоны умирающих... Сознание
Объять не может гибельность того,
Что происходит нынче в нашем мире.
Откуда ждать неведомых врагов?
Что поднесут в вине на званом пире?
Идет успешно жатва сатаны,
Экуменизм, как змей на древе жизни,
Чьи льстивые слова уже слышны,
И вовсе те слова не бескорыстны.
Проект обмана писан на века,
А простаков на свете очень много.
Чума сегодня дышит в облака,
Безумные, увы, не ищут Бога.
Зачем печалью полонять сердца,
Когда за всех решают глобалисты?
Пришёл антихрист силою бряцать,
А тропы к Божьей вечности тернисты...
Средневековый город, площадь, хруст
Костей под чёрным натиском дубинок,
Морозный воздух... Взор поэта пуст,
Ведь он предвидел этот поединок.
Он бронзовой патиною покрыт,

Как латами, что засидели птицы,
И не откроет он своих ланит,
И на толпу у ног не подивится.
Ему давно известно, что грядёт,
Сумняшеся, великое злодейство,
И вор на бой народы поведёт
За торжество вранья и лицедейства.

«На Руси великой был когда-то...»

На Руси великой был когда-то
Правосудный действенный закон:
Здесь берёз с осинами богато,
Казням татей не было препон.

Две ноги привязаны к берёзам,
Согнутым к казнимому дугой,
А потом отпущены. И слёзам
Вора не внимал никто другой,

Кроме леса. Был народ доволен
Скорою расправой с подлецом...
А теперь народ ни в чём не волен,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.